

— Однажды Цинь Сюй столкнул Цинь Ина со скалы на горе Циюэ? А потом его спас Куй Чен?

Минг Шу вернулся в город Донгье. Он планировал рассказать Сяо Юаню обо всем, что он обнаружил, сразу же, но в итоге получил эту важную зацепку от Сяо Юаня первым.

— Ху Чэнъи в настоящее время находится под нашей защитой. Он не покинет город Донгье в течение некоторого времени. Если у тебя есть еще какие-либо вопросы, ты можешь поговорить с ним. — Сяо Юань бросил Минг Шу полотенце. — Я уже показал Ху Чэнъи фотографию, которая была у Цинь Кэ. Ху Чэнъи подтвердил, что молодой человек на ней был похож на того молодого человека, которого он видел в храме Хайцзин двадцать один год назад.

Минг Шу взял полотенце и вытер свежeweымытое лицо, прежде чем накинуть полотенце на плечи.

— Двадцать один год назад... Заместитель Сяо, Ху Чэнъи был не единственным монахом в храме Хайцзин двадцать один год назад!

Сяо Юань кивнул:

— Поэтому я также допросил Лю Суя и Тан Юаня. Лю Суй ничего не помнит о мальчике, а вот Тан Юань помнит.

Минг Шу прислонился к раковине. Вода все еще капала с мокрых волос, свисающих на лоб.

— Цинь Ин все еще был без документов, когда покинул храм Хайцзин. Куда он мог пойти после этого?

— Предположим, что человек, совершивший убийства в квартире 5-8, был Цинь Ин, вернувшийся для мести, — сказал Сяо Юань. — Это означало бы, что он выжидал двадцать лет. Двадцать лет назад Цинь Ину было семнадцать, а сейчас ему около тридцати семи. Это необычайно долгий срок. Где Цинь Ин скрывался в течение этих двадцати лет? Почему он ждал так долго?

— Тридцать семь лет... — внезапно в голове у Минг Шу промелькнула эта цифра. — Я тут вдруг подумал о ком-то.

Сяо Юань поднял брови:

— А?

— Владелец ресторана "Цзянху"! — воскликнул Минг Шу.

— Ты подумал о нем потому, что владельцу "Цзянху" примерно столько же лет, сколько сейчас должно быть Цинь Ину? — сказал Сяо Юань.

Минг Шу покачал головой:

— Дело не только в этом. "Цзянху" стал очень популярным, очень быстро. В течение двух месяцев после открытия бизнеса они стали настолько успешными, что почти вытеснили "Креветки Баобао" из бизнеса. Это практически невысказуемо. Когда я расследовал дело Ша Чунь, я посетил "Креветки Баобао". В то время он был чрезвычайно популярен, в то время как "Цзянху" был практически неизвестен. "Креветки Баобао", несомненно, был самым популярным магазином на улице Лонгченг. Это всегда вызывало у меня подозрения, но мы уже изучали "Цзянху" во время предварительного расследования. Мы не нашли там ничего необычного и не смогли придумать никаких мотивов, которые могли бы быть у босса "Цзянху" для совершения этого преступления, поэтому мы не стали копать глубже.

— И теперь ты нашел мотив? — спросил Сяо Юань.

— Разве это не очевидно? — ответил Минг Шу. — Цинь Ин был сброшен со скалы Цинь Сюном. Он выжил, и теперь вернулся, чтобы отомстить семье Цинь Сюна.

Сяо Юань снял полотенце с плеч Минг Шу. Он сложил его в аккуратный квадрат, затем положил его на голову Минг Шу.

— Это правда, что скорость, с которой "Цзянху" стал популярным, вызывает подозрения. Даже с учетом продвижения Цю Миня, дающего им толчок, в этом ресторане все еще может происходить что-то подозрительное, о чем мы пока не знаем. Но если владельцем "Цзянху" является Цинь Ин, и если его конечной целью было убить всю семью Цинь Сюна, то почему он не спрятался? Почему он так выставил себя напоказ?

Минг Шу был настолько сосредоточен на деле, что даже не заметил полотенца на своей голове.

Время появления "Цзянху" и последствия его появления трудно игнорировать. Нельзя отрицать, что ресторан оказал влияние на людей, вовлеченных в это дело. До того, как семья Цинь Сюн встретила свой трагический конец, в Интернете о "Цзянху" говорили больше, чем о "Креветках Баобао". Затем, после убийств, "Цзянху" оказался в крайне неудобном положении. На их бизнесе негативно отразились клиенты, которые теперь считали их местоположение «неблагоприятным», и даже ходили слухи, что смерть семьи Цинь Сюна как-то связана с конкурентами с улицы Лонгченг.

Если бы Цинь Ин просто хотел отомстить, открытие сверхпопулярного магазина рядом с "Креветками Баобао" было бы совершенно излишним.

Однако это только то, что мог подумать посторонний человек!

— Нет, сейчас мы просто не до конца понимаем психологию этого человека, который жаждет мести, — сказал Минг Шу. — У меня есть еще одна мысль.

— Продолжай, — сказал Сяо Юань.

— С учетом того, как яростно Цинь Ин ненавидел Цинь Сюна, он, возможно, не был удовлетворен просто убийством Цинь Сюна и его семьи, — сказал Минг Шу. — Он хотел «уничтожить» Цинь Сюна полностью. Цинь Сюн так гордился своим бизнесом, "Креветками Баобао". После смерти родителей Цинь Сюн использовал их сбережения, чтобы открыть ресторан. И этот ресторан стал предшественником "Креветок Баобао". Цинь Ин провел двадцать лет в ожидании подходящего момента. Он, должно быть, очень тщательно изучил ситуацию Цинь Сюна. Он мог знать даже больше о том, как Цинь Сюн заработал свое состояние, чем мы. В глазах Цинь Ина "Креветки Баобао" были пиявкой, которая сосала его кровь, и кровь его родителей, чтобы вырасти. Поэтому, прежде чем убить семью Цинь Сюна, он хотел сначала уничтожить "Креветки Баобао".

Выдав это объяснение на одном дыхании, Минг Шу посмотрел Сяо Юаню в глаза и спросил:

— Есть ли какие-то пробелы в моей логике?

— Я предполагал, что ты заподозришь "Цзянху", — сказал Сяо Юань. — Этот ресторан действительно представляет интерес. Нам нужно либо найти доказательства его соучастия, либо исключить. До того, как ты вернулся, я уже отправил туда Фан Юаньхана.

Глаза Минг Шу расширились на несколько секунд, прежде чем он снова успокоился. После этого он методично пересказал все свои открытия о горе Циюэ Сяо Юаню.

— Искупление? — повторил Сяо Юань. — Какая новая идея. Когда виновный человек чувствует необходимость искупить вину, он должен сначала понять, что он сделал неправильно и почему его действия были неправильными. Затем он должен совершить добрые дела, чтобы искупить вину, или напрямую возместить ущерб своим жертвам. Но Моу Хайюань, вопреки тому, что можно было бы ожидать, присвоил себе личность монаха, выдав себя за своего брата-близнеца, а затем собрал людей, которых он считал грешниками, совершившими такие же проступки, как и он сам, чтобы наказать их одного за другим?

— Я думаю, что традиционная логика не всегда срабатывает, когда мы анализируем психологически извращенного подозреваемого. Мы уже сделали много обходных путей, так почему бы не подумать и об этом с другой стороны? — сказал Минг Шу. — Для Моу Хайюаня, может быть, устранение таких людей, как Чу Цзян, является своего рода «добрым делом»? Человек, который больше всего заслуживает наказания, — это сам Моу Хайюань, но очень немногие люди способны причинить себе вред. Он не мог направить нож на себя, поэтому он направил его на других, таких как он. Чу Цзян и трое других, которые предположительно отправились «странствовать», благополучно покинули храм, по словам Куй Чена. Никто больше лично не слышал, как они говорили, что отправляются «странствовать», и никто не видел, как они покидали храм Хайцзин. И наше расследование в Шоуцюане даже сейчас до сих

пор не выявило ни одного человека, который видел, как они уходили. Моя теория заключается в том, что к тому времени, когда Куй Чен сказал, что они покинули гору, чтобы «странствовать», они уже были убиты.

— Учитывая возраст Куй Ченя, убийство не было бы слишком сложным, но спрятать тела так, чтобы их не обнаружили, это куда более сложная задача, — сказал Сяо Юань. — Он не мог спрятать трупы слишком далеко. Когда И Фэй и другие обыскивали храм Хайцзин в прошлый раз, они смотрели только внутри храма?

— Да, — кивнул Минг Шу, и полотенце внезапно соскользнуло с его головы.

Сяо Юань тихо рассмеялся.

Минг Шу схватил полотенце:

— Бля, ты издеваешься надо мной!

Сяо Юань придал своему лицу спокойное выражение и сказал:

— Не ругай начальство. Пожалуйста, сосредоточься на своей работе.

— Кто первый «расфокусировался»? — Минг Шу снова сложил полотенце и шлепнул его на голову Сяо Юаня. — Я тоже хочу это сделать.

Глаза Сяо Юаня слегка изменились, и он спокойно посмотрел на Минг Шу.

Минг Шу замер.

Через несколько секунд Минг Шу забрал полотенце обратно.

— Ладно, если ты не хочешь, чтобы я его туда клал, я не буду ложить. Я накажу тебя, когда мы придем домой.

Сяо Юань улыбнулся и сказал:

— О чем мы только что говорили?

Минг Шу задумался, а затем поспешно сказал:

— Где та скала, с которой столкнули Цинь Ина? Даже туристы не стали бы подниматься туда,

так что это можно считать «безопасным» местом. Мог ли Куй Чен взять пример с Цинь Сюна и...

Сяо Юань покачал головой:

— Капитан Минг, вы все путаете.

Минг Шу внезапно осознал свою ошибку. Нынешний Куй Чен уже не был тем Куй Ченом, который нашел Цинь Ина. Так почему же «новый» Куй Чен должен был подражать Цинь Сюну?

— Согласно только что предложенной тобой теории, Моу Хайюань пытается искупить свои ошибки, убивая других, совершивших подобные преступления. Это можно считать ритуальными убийствами, а убийцы, совершающие ритуальные убийства, обычно избавляются от тела ритуальными способами, — сказал Сяо Юань. — Если Чу Цзян и другие уже были убиты, есть только два возможных места, где их тела могут быть похоронены. Одно — место, где они совершили свое «преступление», а другое — гора Циюэ. Если это первый вариант, то Моу Хайюань, должно быть, каким-то образом заманил этих людей в их родные города, где и нанес удар. Вероятность этого не очень высока, потому что ему нужно было время, чтобы прийти и уйти. Он находился в «изоляции» в храме весь год, из-за чего создается впечатление, что Куй Чен вообще не покидал храм Хайцзин.

— Тогда тела, скорее всего, спрятаны где-то недалеко от храма Хайцзин, — сказал Минг Шу. — Я немедленно организую поиск.

Улица Лонгченг, ресторан "Цзянху".

— Если у вас есть разумная просьба, конечно, я буду рад сотрудничать. — Мужчина улыбался, но это была очень холодная улыбка. — Но у меня, кажется, складывается впечатление, что вы, джентльмены, относитесь ко мне как к подозреваемому. Почему я должен сотрудничать с вами?

Фан Юаньхан нахмурился, глядя на мужчину.

Это был владелец "Цзянху" — мужчина по имени Чэн Сюмин. На вид ему было около тридцати, но в его удостоверении личности говорилось, что ему тридцать шесть лет.

Он не был «нелегалом». Его родной город — Яньчэн в соседней провинции Хань, а в город Донгье он приехал только в этом году.

Прошлое Чэн Сюмина, казалось, было совершенно чистым. Полевая группа уже отправилась в Яньчэн для расследования. Там они узнали, что Чэн Сюмин также управлял рестораном кухни

Цзянху в Яньчэне. Поскольку он был хорошим поваром и пользовался любовью своих покровителей, его бизнес шел очень хорошо.

Но в начале того же года Чэн Сюмин внезапно передал свой старый ресторан своему ученику Хан Чао. После этого он переехал в город Донгье и открыл "Цзянху".

— Вам действительно нужно присматриваться к брату Чэну? Мой брат Чэн — лучший парень под солнцем! — воскликнул Хан Чао. Он был крайне недоволен полицией, которая отправилась в провинцию Хань, чтобы расспросить о его старом хозяине. — Спросите вокруг. Все на этой улице скажут вам, насколько хорош был мой брат Чэн!

Ресторан кухни Цзянху, которым Чэн Сюмин управлял в Яньчэне, находился в месте, под названием улица Жунхуа. На этой улице Чэн Сюмин был практически знаменитостью. Когда кто-то приходил к нему за помощью в чем-либо, он всегда помогал, пока у него были средства. Даже если он не мог решить их проблему, он мог дать им какой-нибудь разумный совет.

Как сказал Хан Чао, никто в этом квартале не отзывался плохо о Чэн Сюмине.

Но полиция обратила внимание на тот факт, что Чэн Сюмин жил уединенно в Яньчэне. У него не было семьи, и, кроме его ученика Хан Чао, у него, похоже, не было близких друзей.

Ни друзей, ни семьи. Живет один. Помогает везде, где может, независимо от того, есть ли в этом для него какая-то выгода или нет.

Этот человек был практически святым.

Но детективы отдела по расследованию тяжких преступлений видели в свое время много извращенных и странных убийц. Чем более «святым» был человек, тем сложнее ему было избежать внимания полиции.

Добро и зло дополняют друг друга. Зло есть в сердце каждого, и никто от него не застрахован. Если человек действительно не имел зла в своем сердце, то его доброта часто была фальшивой. Во многих случаях убийцы надевали чрезвычайно добрую и сострадательную маску в своей повседневной жизни. За исключением совершения своих преступлений, они никогда не делали ничего плохого. Они идеально играли роль «хорошего» человека. Поэтому, когда эти убийцы предстали перед судом, люди в их жизни были шокированы — как такой добрый человек мог совершить что-то настолько злое?

— Если бы брат Чэн не спас меня, я бы лежал мертвым где-нибудь в канаве, — сказал Хан Чао.

Он рассказал полиции, что его в детстве продали в Яньчэн торговцы людьми. Он так и не смог получить надлежащую регистрацию дома или удостоверение личности, и он также не мог найти своих родителей. Он был не в состоянии подтвердить свою личность, и поэтому не мог

найти достойную работу, чтобы интегрироваться в общество.

Когда он впервые встретил Чэн Сюмина, Хан Чао ходил в «серой зоне» между добром и злом. Он делал хорошие и плохие вещи в своей жизни, просто чтобы выжить. Его даже почти обманули, чтобы он стал наркокурьером.

Именно Чэн Сюмин вытащил его из отчаянного положения, именно Чэн Сюмин дал ему работу и помог решить проблему отсутствия документов, которая преследовала его более десяти лет.

По словам Хан Чао, Чэн Сюмин однажды сказал ему:

— Я тоже был «без документов». Именно мой дядя Чэн помог мне получить документы. Брат Чэн был похож на меня. Он не знал, кто его настоящие родители, и его настоящая фамилия, вероятно, не была Чэн, — продолжил Хан Чао. — Старик Чэн взял его к себе, поэтому он взял фамилию старика Чэна.

Хан Чао, казалось, знал Чэн Сюмина очень хорошо, и он был готов убедить полицию, что Чэн Сюмин был хорошим человеком. Практически на одном дыхании он выложил всю историю жизни Чу Сюмина.

Чэн Сюмин унаследовал свое кулинарное мастерство от покойного Чэн Шуцая. Жена и ребенок Чэн Шуцая преждевременно скончались, и он нашел избитого до синяков Чэн Сюмина в ресторане-конкуренте. Чэн Шуцай немедленно вызвал полицию, спасая мальчика.

В то время Чэн Сюмину было меньше двадцати лет. Он был «без документов», без родственников. И с ним обращались плохо везде, куда бы он ни пошел.

Чэн Шуцай сжалился над ним и использовал все свои связи, чтобы достать Чэн Сюмину надлежащее удостоверение личности и регистрацию дома. Он взял мальчика в ученики, сначала позволив ему помогать в своем ресторане, а затем обучив его всем тонкостям своего ремесла.

Более десяти лет назад Чэн Шуцай спас Чэн Сюмина.

И спустя более десяти лет Чэн Сюмин таким же образом спас Хан Чао.

Один из членов полевой рабочей группы спросил:

— Знаете ли вы, почему Чэн Сюмин в прошлом году уехал из Яньчэна, чтобы заняться бизнесом в городе Донгье?

— Город Донгье больше Яньчэна, — сказал Хан Чао. — Брат Чэн так хорош в том, что он

делает. Это пустая трата его таланта, если он просто останется в Яньчэне, верно? "Цзянху" сейчас так популярен в городе Донгье, что доказывает, что брат Чэн принял правильное решение.

— Города Донгье и Лочэн — оба крупные города, — продолжил член полевой группы. — Почему он выбрал Донгье, а не Лочэн? Лочэн — столица вашей провинции.

— Это... — Хан Чао не мог придумать ответа. — Ну, брат Чэн может идти, куда захочет, это очевидно!

Объяснение Хан Чао было полно дыр, а прошлое Чэн Сюмина — до получения юридических документов — по-прежнему оставалось неизвестным. Единственный человек, который мог говорить о его прошлом, Чэн Шуцай, уже покинул этот мир.

Возможно ли, что Чэн Сюмин был пропавшим Цинь Ином?

Если так, то почему Цинь Сюн и Хуан Хуэй не узнали его?

Конечно, люди менялись внешне по мере взросления. Цинь Ин исчез в шестнадцать лет, а сейчас ему тридцать семь. Он вырос из мальчика в мужчину. Его внешность, естественно, изменилась бы, но неужели от его прежнего «я» не осталось и следа?

Вряд ли, если только он не прибегнул к пластической хирургии.

Вернувшись в "Цзянху", Фан Юаньхан лихорадочно размышлял. Чэн Сюмин уже отвернулся, словно готовясь к вечернему наплыву людей.

— Цинь Ин, — внезапно позвал Фан Юаньхан.

Чэн Сюмин обернулся.

Хоть он и отреагировал, но это была вполне нормальная реакция. Фан Юаньхан не смог найти никаких следов необычного выражения на лице Чэн Сюмина.

— Кто такой Цинь Ин? — спокойно спросил Чэн Сюмин.

— У меня еще есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать, пока я здесь, — сказал Фан Юаньхан. Он отодвинул себе стул и сел, затем поднял взгляд и настойчиво встретился взглядом с Чэн Сюмином.

В Отделе по тяжким преступлениям, если кого-то и можно было назвать шумным маленьким

хулиганом, так это Фан Юаньхана. Однако после возвращения Минг Шу со специального обучения этим летом, Фан Юаньхан прилип к нему и намеренно многому научился. Он постепенно перенял манеру поведения Минг Шу.

Чэн Сюмин постоял на месте некоторое время, оценивая молодого детектива перед собой. Через некоторое время он беспомощно рассмеялся и сказал:

— Похоже, я не смогу открыться сегодня вечером, если не отвечу, да?

Фан Юаньхан тоже сердечно рассмеялся.

— У меня есть обязанность провести это расследование. Пожалуйста, поймите.

Чэн Сюмин вздохнул и тоже сел.

— Давай, спрашивай.

— Вы стали членом семьи Чэн, когда вам было двадцать, — сказал Фан Юаньхан. — Чем вы занимались до этого?

— Едва сводил концы с концами, — спокойно ответил Чэн Сюмин. — Я работал на любых случайных работах, которые мог найти. Если вы настаиваете на том, чтобы найти кого-то, кто мог бы это подтвердить, то, к сожалению, я могу вам сказать, что таких людей нет.

— Вы знаете о храме Хайцзин? — спросил Фан Юаньхан.

— Я не знал об этом раньше, но теперь знаю, — сказал Чэн Сюмин. — Недавно там произошло какое-то преступление.

Фан Юаньхан не отрывал глаз от Чэн Сюмина. Он не видел ни единой трещины в фасаде этого человека.

— Взрывная популярность "Цзянху" пришла после рекомендации знаменитого блоггера. Qiu Mountain sleepless приходил к вам или вы сами обратились к нему? — продолжил Фан Юаньхан. Он намеренно переплетал важные вопросы с незначительными. — А после того, как "Цзянху" стал популярным, вы поддерживали связь с Qiu Mountain sleepless?

— Я не пытался специально раздуть всю эту шумиху, — сказал Чэн Сюмин. — Но поскольку в мой магазин пришел знаменитый человек, это, конечно, было всем, на что я мог надеяться.

— Вы думали, что "Цзянху" станет таким популярным и так быстро? — спросил Фан Юаньхан.

— Я осмелился открыть ресторан рядом с самым популярным рестораном на улице Лонгченг,
— сказал Чэн Сюмин. — Конечно, я верил в свою способность конкурировать с ними на равных.

Фан Юаньхан прищурился:

— Значит, ты оставил свои дела в Яньчэне и приехал в город Донгье только ради того, чтобы нацелиться на "Креветки Баобао"?

Услышав это, Чэн Сюмин слегка приподнял брови. Рука, которую он положил на край стола, напряглась совсем чуть-чуть.

Это был первый намек на неожиданную реакцию Чэн Сюмина с тех пор, как он и Фан Юаньхан начали общаться.

— Как вам известно, мои коллеги сейчас находятся в Яньчэне, — продолжал Фан Юаньхан, не давая расслабиться. — Ваш ученик Хан Чао также не был уверен в точной причине вашего внезапного отъезда из Яньчэна.

— То есть, по-вашему, я тот, кто приехал в город Донгье «без причины» и украл бизнес Цинь Сюна, и это делает меня подозреваемым? — Чэн Сюмин снова рассмеялся. — Где доказательства? Подозревать можно кого угодно, но для ареста нужны доказательства.

У Отдела по расследованию тяжких преступлений не было веских доказательств того, что убийцей был Чэн Сюмин. Их подозрения не были даже столь обоснованными, как подозрения в отношении Цинь Сюя. В квартире 5-8 действительно была неопознанная пара следов, и, смоделировав подозреваемого на основе этих следов, детектив мог определить примерный рост, вес и походные привычки человека, который их оставил.

Однако следы ног не были столь убедительны, как отпечатки пальцев.

Рост Чэн Сюмина действительно находился в пределах, предсказанных моделью, созданной на основе неопознанных следов.

Фан Юаньхан размышлял о том, каким должен быть его следующий шаг. Пока он был погружен в свои мысли, он внезапно увидел, как Чэн Сюмин развел руками, как будто выражая поражение.

— Похоже, мое «самоуправство» навлекло на меня неприятности, — сказал Чэн Сюмин.

Фан Юаньхан оживился:

— Что за «самоуправство»?

— Чтобы внести ясность, я не имел никакого отношения к смерти Цинь Сюна, и у меня не было никакой обиды на него, — сказал Чэн Сюмин. — Вы только что назвали меня «Цинь Ин». Вы думали, что я этот человек? Цинь Ин. Цинь Сюн. Интересно. Но я не Цинь Ин. Я не тот убийца, которого вы ищете.

Сердцебиение Фан Юаньхана постепенно ускорилось, поскольку он знал, что то, что Чэн Сюмин собирается сказать дальше, будет очень важным.

В этот момент полевая группа в Яньчэне наконец наткнулась на зацепку, которая имела непосредственное отношение к Цинь Сюну.

Ранее в том же году Чэн Сюмин и Хан Чао обслуживали в своем ресторане клиента по имени «Цюй Юнфэй». И этот клиент в настоящее время проживал в округе Мишуй, расположенном к югу от Яньчэна.

— Цюй Юнфэй? — спросил Минг Шу на ходу. Он был в наушниках и получал отчет от полевой рабочей группы по телефону. — Разве это не старый владелец "Кухни Синьян"?

До открытия "Цзянху" ресторан рядом с "Креветками Баобао" назывался "Кухня Синьян". Ранее в ходе расследования полиция уже получила четкое представление о ситуации на тот момент. Дела "Кухни Синьян" шли намного хуже, чем у "Креветках Баобао". Сын владельца, Цюй Синьян, был тяжело болен. Чтобы заработать больше денег на покрытие своих медицинских расходов, владелец Цюй Юнфэй пытался ввести новые блюда в свое меню. Но эти блюда были быстро скопированы "Креветками Баобао".

Цюй Юнфэй однажды умолял Цинь Сюна дать ему шанс привлечь больше клиентов. Было не совсем уместно просить конкурента о чем-то подобном, но у Цюй Юнфэя не было другого выбора.

Однако Цинь Сюн не помог Цюй Юнфэю. Мало того, он ещё и публично опозорил Цюй Юнфэя.

Вскоре после этого Цинь Синьян скончался.

— Мы уже выследили Цюй Юнфэя, и он ведет себя странно, — сообщил член полевой группы. — У него не только четыре мемориала Цюй Синьяну в доме, но и на стенах расписаны проклятья!

— Значит, он следует сельским суевериям, — сказал Минг Шу.

— Болезнь и смерть Цюй Синьяна не имели никакого отношения к Цинь Сюну, и Цинь Сюн не может быть обвинен в том, что не принял просьбу Цюй Юнфэя, — сказал Чэн Хуэймин Фан Юаньхану. — В конце концов, мы все бизнесмены. Сильные не обязаны заботиться о слабых. Но Цинь Сюн в своем высокомерии погубил человека.

— Вы имеете в виду Цюй Юнфэй? — сказал Фан Юаньхан.

Чэн Сюмин встал и оглядел свой ресторан.

— Много лет назад Цюй Юнфэй был учеником моего мастера Чэн Шуцая. Он некоторое время учился кулинарии. Тогда он был полон амбиций. Тот Цюй Юнфэй, который был тогда, совсем не походил на того Цюй Юнфэя, который переехал в округ Мишуй в Яньчэне в этом году. После того, как его собственный сын скончался из-за болезни, его жена бросила его, и теперь его психологические проблемы обострились.

Фан Юаньхан не совсем понял.

— Так вы хотели отомстить за Цюй Юнфэя?

— Это зависит от того, как вы определяете слово «месть», — сказал Чэн Сюмин. — Как я уже сказал, я никого не убивал и не убью никого в будущем. Цинь Сюн очень гордился своими кулинарными способностями и смотрел свысока на всех тех, кто не был так хорош, как он. Я открыл свой ресторан рядом с его рестораном и отобрал у него бизнес. Это считается «местью»?

— Но вам не обязательно было... — Фан Юаньхан оборвал себя, не закончив говорить.

Не обязательно было.

Что было не обязательно?

Для любого постороннего все это показалось бы излишним.

Но как все это может показаться не обязательным тем, кто в этом лично участвует?

Как и ожидалось, Чэн Сюмин покачал головой.

— У вас, полицейских, есть свое чувство справедливости, свои принципы. У меня тоже есть свои принципы. Я открыл здесь свой магазин и искал «мести» по средствам, не нарушая никаких законов. Даже если бы Qiu Mountain sleepless не пришел рекламировать мой ресторан, я бы смог дать Цинь Сюну попробовать его собственное лекарство. Но...

Чэн Сюмин помолчал и вздохнул, прежде чем продолжить:

— Всех людей следует чтить после смерти. Если бы я знал, что эта трагедия постигнет семью Цинь, я бы, вероятно, не приехал в город Донгье.

Шоуцюань, гора Циюэ.

Минг Шу хмыкнул, слушая по телефону доклад Фан Юаньхана. Он все еще возглавлял поиски на горе.

— Чэн Сюмин дал очень четкое объяснение своих действий, но у меня все еще есть некоторые сомнения, — сказал Фан Юаньхан. — В настоящее время у нас нет возможности проверить, что этот человек делал до того, как ему исполнилось двадцать. Шеф, нам нужно вернуть его в Бюро?

— Нет, — сказал Минг Шу. — Но присматривай за ним. Не выпускай его из виду.

Той ночью Отдел по расследованию тяжких преступлений обнаружил на горе Циюэ чрезвычайно хорошо замаскированную пещеру, в которой были спрятаны три трупа разной степени разложения.

<http://bllate.org/book/14859/1321972>